

1894/2

P-1
K592

КНЯГИНЯ
НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА
ДОЛГОРУКАЯ.

СОЧИНЕНИЕ

СВЕРДЛОВСКОГО СТАРАГО

ИВАНА КОЗЛОВА.

M546874

АРХИВ

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
СВЕРДЛОВСКОГО
г. Свердловск

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНІЯ.

1828.

Редкие
Книги

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чптобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предспавлено было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ, для опсымки, куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, 22 Ноября, 1827 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

ПОСВЯЩЕНО
ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ
ЖУКОВСКОМУ.

ПОСЛАНИЕ

ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ

ДЪЮРСКОМУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

DANTE. V.

КНЯГИНЯ
НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА
ДОЛГОРУКАЯ.

I.

Большой Владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо пушница младая;
Въ усшало мъ взоръ шайный спрахъ.
•Какъ бышь? Москва въ семи верстахъ;

Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжешь; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна.»

II.

Она идетъ , и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вопъ въ село пропинка вьется;
Она пуда дойдетъ скорѣй;
Ночлеги радушный шамъ найдетъ.
Уже, пылая между пучь,
Зари багровой гаснетъ лучь;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,

Поднялся въперъ, боръ шумишь;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ и плачешъ и дрожишь.
Она спъшишь въ приюшь укронной,
Подходишь скоро къ роцъ шёмной,
Но, чъмъ-то вдругъ поражена,
Стоишь уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье;
Ей будшо страшно шо селенье;
Нейдешь въ него, нейдешь назадъ,
Кругомъ обводишь робкй взглядъ.
«О, если шамъ. . . А мнѣ паишься
«Велишь судьба... бышь можешъ... нѣшь!
«Кому узнашь! . . . и сколько лѣтъ!
«Забышо все; но вечеръ шмишься,

«Пора!» И къ рощѣ съ быспрошай
 Приближилась; оспановилась,
 Подумала, перекрестилась,
 Попомъ пошла, махнувъ рукой,
 И скрылася въ пѣни густой.

III.

За рощей шемною въ долинь,
 При зеркальной пруда равнинѣ,
 Вельможи знашнаго село
 Красой привѣшною цвѣло;
 Высокихъ липъ въ пѣни зелѣной
 Хоромы барскіе спояшъ;
 Они видѣ древности храняшъ;
 Въ гербѣ подѣ графскою короной,

Щипъ красный въ полѣ золопомъ
 Лавровымъ окружень вѣнкомъ
 Съ двумя блестящими крестами,
 А въ полѣ свѣшломъ мечъ съ копьёмъ
 И полумѣсяцъ вверхъ рогами;
 Но садъ и воды и мосты,
 И розъ душистые кусты
 Въ забвеньи долгомъ сиротѣли;
 Хозяинъ, чешь страны родной,
 Давно лежишь въ землѣ сырой;
 Его хоромы опустѣли,
 Широкий дворъ заросъ травой.
 Проспясь съ родимую Московю,
 Въ столицу пышную надъ Невою
 Живешь наследникъ молодой;

А здѣсь одни воспоминанья
 Во мракѣ сельской пишины,
 И рода знашнаго преданья...
 Священный опзывъ старины.

IV.

У церкви сельской за оградой,
 Въ уютномъ домикѣ своёмъ,
 Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
 Дыша вечернею прохладой,
 Священникъ у окна сидѣлъ;
 Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
 Какъ, на закашѣ догарая,
 Багряный блескъ смѣнялся шмой:
 Такъ ясно жизнь его свяшая

Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшень сѣдинами,
Небесный жишель на землѣ,
У Щеремешева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣшской проспоною
Былъ свѣтлѣ праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ свящѣ душѣ его смиренной;
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часпо, часпо поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,

И послѣ шумнаго похода
Въ шиши села у нихъ живаль.

V.

Но , полонъ важности спаривной,
Свяшаго спарца крошокъ видъ ;
На немъ подрясникъ обьяринной,
И кашауръ широкій шишь
Узорно яркими шелками ,
И на груди его висить
Изъ кипариса креспъ съ мощами,
Хранишель вѣрный съ давнихъ поръ :
Одинъ монахъ , съ Аѳонскихъ горъ ,
Топъ креспъ принесъ. Его обисель

Была убога и скромна

И, какъ ея радушный жипель,

Какой - то свяшоспи полна :

Въ углу, въ серебряномъ окладѣ

Икона Спасова блеспишь,

И передъ ней огонь горишь

Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;

На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,

Бумага, перья подлѣ нихъ,

У зеркала часы спѣнные,

Поршреть; задернуый шафпой,

Двѣ канарейки выписныя,

И полошнцо съ бахрамой

Висишь на вербѣ восковой.

Отдел хранения
Гос. Публ. библиотеки
им. В. Г. БЕЛИНСКОГО
г. Свердловск

524824

VI.

Уже гошовъ иппи молишься,
Да снидешъ пихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Злапоуста онъ
Хопѣль закрышь; но вдругъ спучишься
Легонько кшо - шо у ворошь,
И кшо - шо на крыльцо идѣть,
И дверь шапнулась: у порога
Съ младенцемъ пушница споишь,
И голосъ жалобный дрожишь,
Прося почлега ради Бога.

VII.

«Войди подъ мой убогій кровъ
(Сказаль онъ ей); «пора ночная,
«Кругомъ все лѣсь, почлегъ гошовъ,

«И естъ у насъ хлѣбъ - соль проспая;
«Переночуй, ты съ новымъ днёмъ
«Пойдешь опяшь своимъ пупёмъ.»
И сшарець матьъ благословляетъ,
Младенца соннаго креспипъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣшно говоришь;
Но, и блѣдна и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣшную его
Полу - словами опвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барской домъ, на темный садъ,

Какъ будто узнавала что - то ,
Какъ бы искала шамъ кого - то ;
И вдругъ , то пламень на щекахъ ,
То слезы крупныя въ очахъ .

VIII.

Души встревоженной волненье ,
Порывы помные спрасшей ,
Ея печаль , ея смятенье
Замѣшилъ онъ : и спарца въ ней
Дивило всё . « Не ша осанка ,
« Не шѣ ухватки въ деревняхъ ;
« Видна не грубая кресьянка
« Въ ея заспѣчивыхъ рѣчахъ ;
« Въ ней горесѣ шихая пріятна ;
« И хоть бѣдна , но какъ опрятна

« Одежда пушницы проспой !

« На пальцѣ персень золшой . . .

« Куда жь шеперь не въ часъ урочный

« Одна дорогою большой ? . . .

« Ахъ , нѣтъ , какъ ангель непорочный

« Она глядишь , и за нее

« Порукой сердце мнѣ мое . »

IX.

И чувствамъ шажкимъ и мяшежнымъ

Онъ мнилъ преграду положишь ,

И съ горемъ , въ жизни неизбѣжнымъ ,

Ее невольно помиришь ;

Онъ , какъ родной , ее ласкаешь ,

И веселишь , и начинаешь

Разсказъ любимый спарины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью сѣсны,
Далеко мрачны лешали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой опца во взорѣ,
Вдохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
Что такъ задумалась? шы въ горѣ?

Путница.

Я, мой опець? . . .

Священникъ.

Твоя шоска,
Повѣрь, къ душѣ моеѣ близка;

Въ помѣ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любишь,
Кто въ горѣ.

Путница.

Ахъ, мнѣ шажко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

Путница.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждашь, и какъ сурова.

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ нимъ смиришь,
Прими съ любовью Крестъ тяжель,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ самъ носилъ вѣнецъ шерновыи;
Не унывай, не смѣй ропшашь,
Терпи — въ спраданыи благодать!

Путница.

Ощецъ шы мой! Въ ужасной долѣ
Кшо ропощь слышалъ опгъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льющя по негодѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дашь слезамъ;
Но шолько, слезы проливая,

Спрями взоръ грушный къ небесамъ :

Кпо плачешъ здѣсь, утѣшенъ шамъ,

Сказаль Господь.

Путница.

О рѣчь святая!

Оспрадна шы.

Священникъ.

И гдѣ же пошь,

Кпо жизнь безъ горя проживѣшь!

Твои, мой другъ, молодые годы

Не разцвѣли опъ непогоды;

Но шы, какъ видно, рождена

Въ семь безвѣстной; шы бѣдна;

Тебя судьба не баловала,

Къ веселой учаспи она

Ничѣмъ себя не приучала;
 А часто гибельный ударъ
 Надежды знатныхъ разрушаетъ...
 О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
 Онъ былъ бояринъ, межъ бояръ
 Петровой правою рукою,
 И прямо Рускою душою
 Отчизну и царя любилъ;
 Былъ славенъ; въ золотѣ ходилъ;
 И что же? Дочь его родная
 Не знаетъ радости земной,
 И гибнешъ въ бурѣ роковой,
 Какъ гибнешъ шравка полевая...
 Суди жъ, дивна ль судьба швоя?
 Она была не шы.

Путница.

Не я!

Священникъ.

Давно опъ насъ она ужъ скрылась;
Но все живешь въ душѣ моей.
Я расскажу тебѣ о ней:
Почпи при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамахъ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вопъ шамъ, въ шѣни гусныхъ берѣзъ,
Ты видишь гусъ махровыхъ розъ:
Она сама его садла;
Онѣ цвѣшупъ... ее одну

★ ★

Печаль шакъ рано сокрушила ;
 Она одна свою весну
 Опъ нихъ далеко погубила.
 Теперь я вижу, ешь у насъ
 Какой - то въ сердцѣ вѣщій гласъ :
 Она, забавы убѣгая,
 Въ шуму роскошнаго села,
 Тиха, задумчива росла,
 Какъ будто горя ожидая,
 Покорна будущей судьбѣ.
 Могу ль я выразишь шебъ
 Весь жаръ усердія свяшаго
 Сыскашь , ушъшишь нищету ?
 Въ слезахъ ли видишь сироту :
 Родная бѣдствія чужаго ,

Она ошдашь готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачешъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною поскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что - то схожее съ побою
Въ ней было: шакъ, лице швое
Напоминаешъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи шемно - голубыя,
И цвѣтъ кашшановыхъ волосъ;
Она была шебя спройше
И воска яраго бѣше;

Не диво : солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заспавали,
Полошь и жашь не посылали,
И одѣвалъ красивый спань
Не швой кумачный сарафанъ.

Х.

И дружно пушницѣ смященной
Священникъ руку просянуль,
И ярко взоръ его блеснуль,
Воспоминаньемъ оживленной.
Онъ разсказаль о шой порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.

Тогда чинами и красой,
Невѣсты царской братья родной,
Сіяль надменный Долгорукой;
Онъ межъ бояръ и межъ князей
Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
Казался всѣмъ, что вѣчно ей
Не знашь ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
Невольно спарець вздохъ тяжелой
Спѣсниль, и съ важностью веселой
Завель онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ духовенство, пышный дворъ
Бояръ вельможныхъ посѣдили,
Какъ царь пріѣхаль, какъ при немъ
Чешу младую обручили,

И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили,
Межь шѣмъ, прелесшная, она
Спыдливо съ женихомъ сидѣла,
И, пихой радости полна,
То улыбалась, то краснѣла;
А, другъ веселости живой,
Кругомъ шель кубокъ золошой
Въ бесѣдѣ шумной и привѣшной,
И щипъ зажегся разноцвѣшной,
И хоръ гремѣлъ, и до ушра
Народъ, шолпясь, кричалъ: ура!

XI.

И кто бы, кто подумалъ прежде,
Такъ продолжалъ вздохнувши онъ,

Что радость изменишь надеждъ,
Что счастье ихъ минушнй сонъ,
Неумолима гробница
Схватила юнаго царя
Ошь двухъ вѣнцевъ, ошь алшаря;
Напрасно блещеть багряница
И ждешъ княжна : всему конецъ! . . .
Женихъ и царь уже мершвецъ!
Зашмились вдругъ мечшы злашыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ нимъ; чины, друзья
Исчезли; сшени ледяныя,
Изгнанья горешный предѣль,
Любимца падшаго удѣль;
Но, жизни узнавая цѣну,

Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осшалася вѣрна;
Его подругою, душою,
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила; но и съ женою
Онъ разлучень . . .

Путница.

И слуха нѣтъ.

О немъ?

Священникъ.

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ
Разпоргнушь узы роковыя,

Покинушь друга своего.
И при дворѣ не шрудно бѣ снова
Найши ей жениха другаго.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ны, я вижу, улыбулась;
Такъ, вѣрь не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль и въ хладъ . . .

Путница.

Она любила!

Не ссылка бѣдную убила;

Была разлука ей страшна!...

Скажи, гдѣ онъ?

Священникъ.

Какъ ты блѣдна!

Ты плачешь?

Путница.

Плачу!... Ахъ, она

О шомъ лишь небо умоляла,

Чтобъ въ нищестѣ, въ глуши степной,

Но вмѣстѣ жизнь ихъ прошекала,

Чтобъ счастье ихъ...

Священникъ.

О сонъ пустой!

Имъ счастье, шамъ?

Путница.

Ощецъ свяшой,

Не спрашио съ другомъ заоченье:

Съ нимъ еспь и гь горь наслажденье.

Священникъ.

Въ спеняхъ лишь шопть привыкнещь жишь,

Кому здѣсь не о чемъ шужишь;

Но ей, взлѣданной на радосшь,

Откинушь свѣшля мещы,

Губишь красу свою и младосшь

Подъ кровомъ душной нищесы!

Ей счастье . . . яшь!

Путница.

Чѣмъ жершва болѣ,
Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
Сердечный спутникъ грустныхъ дней:
И межъ снѣговъ и въ низкой долѣ,
Когда въ ихъ юршѣ кедръ пылалъ,
И другъ ей молча руку жалъ,
Когда дѣшей она ласкала,
Ошъ ихъ младенческой игры
Когда душа въ ней разцвѣшала,
Уже ль она не забывала
Москву и царскіе пиры
И всѣхъ забавъ очарованья?

Священникъ.

Тебѣ какъ знашь?

Путница.

Гдѣ онъ? Чшо съ нимъ?
Иль ждашь за гробомъ ей свиданья,
И въ небесахъ назвашь своимъ!

Священникъ.

Мы здѣсь въ пиши уединенья
И за нее и за него
Льемъ къ небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего.

Путница.

И не нашлось никого,
Кшо бы зацѣпилъ?

Священникъ.

Гдѣ правый сильный,
Кшо бы за несчастье грудью спалъ?

О если бь, сонъ прервавъ могильный,
 Бояринъ Шеремешевъ вспаль!
 Онъ злобу съ хитрой клеветною
 Сразилъ бы десницею святою;
 Онъ могъ изгнаннику помочь,
 Онъ спасъ бы гибнущую дочь;
 Но знай, и ты, ему чужая,
 И ты, о пушинца младая,
 Когда бь онъ былъ еще въ живыхъ,
 Не даромъ здѣсь бы ночевала,
 Повѣрь, горючихъ слезъ твоихъ
 При немъ бы ты не проливала,
 И въ пушь не нищею пошла
 Изъ Шеремешева села!

XII.

Онъ говорилъ , она дрожала ,
Сказала что - то , замолчала ,
Во взорѣ шмился Божій свѣтъ ;
Но спарець кажешь на поршрешъ ,
Кошорый въ рамѣ золоченой
Задернушь былъ шафшой зеленой ;
Онъ снялъ шафшу и молвилъ ей :
Бошь онъ , взгляни и пожалѣй !
Написанъ кистью масперскою ,
За шпагу ухващась рукою ,
Въ мундирѣ , въ леншѣ голубой ,
Фельдмаршалъ смошринъ , кагъ живой .
Ей мнишся , давняя могила
Подпору бѣдной возврашила ;

Въ смяшенъи робкомъ передъ нимъ,
Она колѣна преклоняешъ,
Зовешъ его ошцемъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ;
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чшобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнишся, будшо къ ней вееется
Привѣтъ любви издалека,
Но вдругъ мяшежная шоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льеется.
Волнуясь грозною мечшой,
Она свой персень золошой
Къ ушамъ грыдая прижимала,
И распушенною косою
Лазурны очи оширала;

Невольный пререпеть, дикой взглядъ
О чемъ - то страшномъ говоряшь.
Безмолвно спарець изумленной
Молиль Творца о сокрушенной;
Онъ поняль, что единый Богъ
Ея печаль ушьшишь могъ;
И спарца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукрошимое спраданье,
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ оправленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, пререогамъ непричасный,

Младенец тихій и прекрасный ,
Не зная, что и жизнь и рокъ ,
Грозой непронушый цвѣшокъ ,
Съ улыбкой , съ ясными очами ,
На грудь родимую припалъ ,
И влажными ошь слезъ кудрями
Безпечный весело игралъ .

XIII.

Но скоро спонъ ея мяежной
Умолкъ , и грустью безнадежной
Залегъ въ сердечной глубинѣ ;
И при печальной пищидѣ
Уже невольна часъ полночи
Сомкнулъ у всѣхъ усцалы очи .

Младая пушница одна

Разсѣща ждешъ, не зная сна;

Спрямишся думою далѣко :

Но что гошовишь рокъ жесшковой?

Какую вѣсшь она найдешъ?

Нѣшь сдѣлы ждешъ : она вспаешъ,

Младенца будишь поцѣлуемъ.

«Когда бѣ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,

«Дипя мое!...» И въ шомну грудь

Желанье новое шѣснишся,

И передъ шѣмъ, какъ удалишся,

Еще ей хочешся взглянушь

На шо село, гдѣ ночевала,

Село... И шихо, шихо вшала,

И начала сбирашся въ пушь :

Иконѣ Спаса помолилась
И низко шарцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ
И самъ очей, но предъ зарёю,
Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почиваль;
И вопъ снопою шоропливой
Въ пѣнисшый садъ она спѣвшишь,
И взоръ ея неперпѣливой
Живѣе, пламенный горитъ.

XIV.

Чуть видная межъ облаками,
Луна послѣдними лучами

Свѣшила съ пасмурныхъ высокошь;
Березы надъ прудомъ дремали,
И пѣни шашкія дрожали
На зыбкомъ лонѣ сонныхъ водъ.
О, какъ у бѣдной сердце билось!
Въ какихъ перялося мечпахъ!
Но хощь спраданьемъ ушомилось,
Хощь очи грушныя въ слезахъ,
А все улыбка на усахъ.
Казалось, будшо ей знакомы
Пустыя мрачныя хоромы;
Чшо эшошь лугъ, чшо эшошь садъ
Не въ первый разъ встрѣчаешь взглядъ;
Съ прудомъ, деревьями, цвѣтами,
Минувшимъ вдругъ оживлена,

Какъ съ незабытыми друзьями,
 Опяшь увидѣлась она.
 Хошь все печальнѣй, все небрежнѣй,
 Но дышешь все порою прежней,
 Здѣсь все къ себѣ ее манишь;
 Привѣшь нѣмой во всемъ находишь;
 Родную шѣнь лѣсокъ наводишь,
 Ручей знакомое журчишь.
 На барской дворъ она бѣжишь,
 И на крыльцо легонько входишь,
 Въ покои шемные глядишь;
 Они спояшь давно пусшыя;
 Но лишь въ окно луна блеснешь,
 И прамъ какъ будшо чпо мелькнешь,
 То мнишся ей, въ часы ночные

Тамъ бродяшь призраки родные,
 Тамъ дышешь то, чего ужъ нѣтъ:
 И все, чѣмъ сердце разивѣшало,
 И что сбылось, и что пропало,
 Что общалъ и не даль свѣсть,
 Что было, есть, любовь, спраданы,
 Безвѣстность, ужась ожиданья,
 Все разомъ гибельной спрѣлой
 Въ душевны раны проникаешь,
 И жжешь, и холодъ гробовой
 Въ убиномъ сердцѣ разливаешь.
 Безъ силъ, къ столбу прислонена,
 Ужъ не шокую, не мечшая,
 Сама въ себѣ погребена,
 Она спойшь полуживая.

Но свяшось горя и любви шидою ому
 Сильнѣ бѣдствія земнаго: шидою ому
 Спруя румяная вдали, шидою ому
 Предшеча ушра молодого, шидою ому
 Уже зажглась, и съ нею вновь шидою ому
 Ръшимось, горе и любовь шидою ому
 Въ душѣ шомашейся проснулись; шидою ому
 Всѣ думы разомъ встрепенулись. шидою ому
 «Пора, пора! Идемъ, идемъ! шидою ому
 «Я шамъ провѣдаю о немъ.» шидою ому
 И, за дубовыя перила шидою ому
 Хвашаясь шрепешной рукой, шидою ому
 Въ пѣнисшый садъ она сходила: шидою ому
 Уже пропинкой луговой шидою ому
 Бѣжипь, влекомая мечшой; шидою ому

Въ порывахъ быспраго движенья
Замѣшны шайныя волненья;
Садовникъ, спящій у ворошъ,
Ее спросонья окликаешъ;
Она отвѣща не даешъ,
Прощальный взоръ назадъ бросаешъ
И въ поле шемное спѣшишь,
Гдѣ пушъ проселочный лежишь
Къ Москвѣ и спрашной и желанной,
И ужъ шеряешся въ кустахъ
Съ младенцемъ милымъ на рукахъ,
И не видна въ дали шуманной:
Но долго бышь о ней молвѣ
У Шеремешева въ селѣ...

Не помяну описанно дѣла
 Зѣмлемъ ширинъ толико
 Сядовицко, омаи у допотъ,
 Не емоука охлѣвни,
 Ома омаи на вѣднъ,
 Ширини ширнъ ширнъ допотъ,
 И на поле ширнъ омаи,
 Та дѣла ширини ширнъ,
 Не ширнъ а ширини а ширинъ,
 И на ширинъ на ширинъ,
 О ширини ширнъ на ширинъ,
 И на ширинъ на ширинъ,
 Не ширнъ омаи омаи,
 У ширини на ширинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

... The lost on earth revived in heaven.

LORD BYRON.

К Н Я Г И Н Я
НАТАЛЯ БОРИСОВНА
ДОЛГОРУКАЯ.

—*—
I.

Воспокъ аля пламенѣшь,
И день заботливый свѣшлѣшь;
Проснулись пшашки; въ тихій боръ
Ужъ дровосѣкъ несетъ шопоръ;
Колосья въ полѣ подь серпами
Ложашся желшыми рядами;

Заушрень сельскихъ дальній звонъ
По рошѣ въшромъ разнесёнъ;
Скрышишь подъ сѣномъ возъ тяжелый,
И заигралъ рожекъ веселый.
О, если бѣ шы, прекрасный день,
Гналъ мрачныя души волненья,
Какъ гонишь шы ночную шѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
Зачѣмъ шы въ блескъ молодомъ
Лелѣшь каждою зерёю
И вишню солнечнымъ лучёмъ,
И ландышь ушренной росою,
Но сердца, полного шоской,
Не освѣжишь своей красою!

II.

Клубяшся въ полдень черны тучи
 По раскаленнымъ небесамъ,
 И вихрь несешь песокъ горючій
 Съ дороги пыльной по холмамъ;
 Въ помненьи душномъ жнецъ лѣнивый
 Лежишь въ шѣни, оставя нивы;
 Пасухъ со сшадомъ въ лѣсъ бѣжишь;
 Боръ шемный щепчешь и дрожишь;
 Сожженный листъ о сшебель бѣшся;
 Все припало, все молчишь:
 И вдругъ огонь по тучамъ вьшся,
 Грохочешь громъ, съ нимъ дождь и градъ
 Въ поляхъ встревоженныхъ шумяшь.

III.

Въ приюсть спорожа лѣснаго
 Съ младенцемъ пушница ждала,
 Чшобъ шуча бурная прошла.
 Теперь до города роднаго
 Ужь не далеко; пушь свершёнъ:
 Тамъ всѣхъ увидишь, все узнаешь;
 Но сердце больше замираеть.
 Теперь ей снился грозный сонъ,
 Но какъ-то и надежда снился;
 А завтра . . . завтра все рѣшился;
 Бышь можешь, завтра будешь ей
 День страшный, всѣхъ страшнѣе дней;
 Бышь можешь, завтра въ наслажденье
 Ей было бь мрачное сомнѣнье.

IV.

Упихла буря; сводъ небесъ
 Междь дымныхъ шучь уже синѣшь,
 И ароматомъ дышешь лѣсъ,
 И какъ свѣжо съ поляны вѣснь!
 Цвѣтны, омытые дождёмъ,
 Блещашь подь влажнымъ жемчугомъ,
 И солнце вечера спокойно
 Бросаетъ ярко лучъ незнойной.
 Одна дорогою большой,
 Въ прекрасномъ мѣрѣ сиротой,
 Моливой ужась опгоняя,
 Идетъ спрадалица младая;
 Почти ей жаль, что кончень шучь;
 Къ ней въ душу спрашно заглянуть;

Прошла пора искашь, какъ прежде,
 Минушной радости въ надеждѣ;
 Зияеть рокъ... Но вошь она
 Споишь, дрожишь: Москва видна...
 «Хранишель - ангель, дай мнѣ силу!
 «Веди меня... не на могилу!»
 И вѣ себя она глядишь,
 А передь нею боль, боль
 Москва видна въ широкомъ долѣ,
 И ужь вдали замѣшенъ видъ
 Спрѣлецкой башни полудикой,
 Уже въ очахъ Иванъ - великой,
 Какъ жаръ вѣнецъ его горитъ;
 Глядишь, и въ сердцѣ онѣмѣли
 Тоска и страхъ: чему нѣтъ словъ,

Что дышешь тайношью гробовъ,
 Напѣвомъ дѣтской колыбели,
 Прокралось въ грудь; и прижды въ прахъ
 Передъ Москвой она склонилась,
 И съ мрачнымъ пламенемъ въ очахъ
 Къ заставѣ близкой поронила;
 Но ужь опять въ душѣ у ней
 Волненье прежнее спраспей.
 Взгляните, какъ она уныло
 То чухъ спускаешь, шо бѣжишь,
 И сколько въ грусти боязливой
 Незьяснимаго шапшь!
 Ныль, гордый умъ не разгадаешь,
 Что сердце робкое мечнаешь,
 Любовью созданный въ бѣдахъ,

Ее волнуешь новый страхъ,
 Чья жизнь въ другихъ, шопъ поневоля
 Примѣшамъ вѣришь въ шемной долѣ:
 Она боишя, чшобъ монахъ
 Ей не былъ встрѣчею печальной,
 Чшобъ черный гробъ въ дыму свѣчей
 При звукахъ пѣсни погребальной
 Не испугалъ ея очей;
 И голось милый, но прощальной,
 Вездѣ, во всемъ несешя къ ней.

V.

Заря давно ужъ догорѣла,
 Когда, печальныхъ думъ полна,

Въ родимый Кремль вошла она;
 Кругомъ лишь въ сумракъ бѣлала
 Его зубчатая стѣна,
 И крестъ на башнѣ Годуновой
 Сіялъ во шмѣ звѣздою новой.
 Идешь... и въ сердцѣ и въ мечтахъ
 Нешлиныхъ раки, царскій прахъ;
 Уже встрѣчающъ помны взоры
 И зашпоглавые соборы
 И древній княжескій дворець:
 Здѣсь, другъ Пешровъ, ея отецъ
 Дѣлилъ съ нимъ мудрыя бесѣды
 И праздновалъ свои побѣды;
 Тамъ мать ея, въ ниши ночей,
 За дочь молилась у мощей;

А памь, невѣспой молодою,
 Была она двора красою:
 Тогда женихъ... и вдругъ у ней
 Ручьями слезы изъ очей.

VI.

Безмолвно бѣдная молилась,
 Душой вѣтрясь небесамъ;
 И шеплой вѣрой оживилась,
 Спѣвши въ завѣщный Спасовъ храмъ:
 Нерукопворная Икона
 Опъ бѣдъ спрадальцамъ оборона,
 Шагами робкими идѣшь
 Черезъ шемный звучный переходъ.

За шу рѣшешку золошую ,
Гдѣ при забошливыхъ опцахъ
Таили жизнь свою младую
Царевны въ свѣпныхъ перемахъ ;
И вопъ повергнулась въ слезахъ
Передъ Иконою чудесной :
« Спаси его , Опець небесной ,
« Спаси его , а мнѣ дай знашь ,
« Чшо съ нимъ и какъ его искашь . »
И , мнилось , ангелы внимали
Ея шаписвенной печали .

VII.

Въ Кремль свяпная пишина ;
Въ Москвѣ на спогнахъ сонъ глубокой ;

Уже надъ башнею высокою,
 Въ дыму, шуманна и красна,
 Взошла полночная луна;
 Но алый парь предъ ней рѣдѣеть
 На темно - синей высотѣ;
 Луна полночная свѣплѣеть
 Во всей обычной красотѣ;
 Сіянье помное пренецѣтъ
 На бѣлокаменныхъ стѣнахъ,
 И на соборахъ, на дворцахъ,
 Спруями пламенными блещетъ;
 Оно сребриспой пеленой
 Лежишь на гладкой мостовой,
 Бросаешь въ спекла искры злата,
 И грановишная палапа,

Какъ бы внутри освѣщена ,
 Чего - то дивнаго полна ;
 И ярко свѣпяшся лампады
 Сквозь окна узкія церквей ,
 И чуть замѣтно вдоль ограды
 Мерцанье пусклыхъ фонарей ;
 Все шихо, все свящынней дышеть ;
 Травкою воздухъ не колышеть ,
 Лишь одинокій часовой
 Прохожихъ глухо окликаешь ,
 И только мѣди въщій бой
 Молчанье ночи прерываешь ;
 Но миръ ея не возмущень ;
 Онъ свящъ, какъ праведниковъ сонъ .

VIII.

Уныло пушница младая,
 Младенца къ персямъ прижимая,
 Сходила съ Краснаго крыльца,
 Дрожала, плакала, блѣднѣла
 И робкая на камень съла
 У озареннаго дворца.
 Невольно душу волновали
 И блескъ минушный юныхъ дней,
 И гдѣ свящые дни печали,
 Кошорыхъ памяшь намъ милѣй.
 Въ грозѣ, ничѣмъ не опразимой,
 Темницу друга раздѣляшь,
 Съ нимъ вмѣстѣ плакашь, съ нимъ спрадашь:
 Ея надеждою любимой.

Но сердце, сжатое поской,
 Тонуло въ думъ роковой:
 Навѣкъ ли небо омрачилось?
 Гдѣ онъ, что съ нимъ? Уже ль свершилось?
 И, въ немъ забывъ людей и свѣтъ,
 Съ душой, успалою опъ бѣдъ;
 Она сидѣла, чушь дышала,
 Одну мечту другой смѣняла...
 Томяся въ смущенной тишинѣ
 Не наяву и не во снѣ...
 Къ ней что-то льцещь, къ ней что-то вѣщя:
 Она вздрогнула; сердце бѣщя;
 По жиламъ холодъ пробѣжалъ,
 Сквозь сонъ младенецъ закричалъ;
 И что-то будно бы мелькнуло,

Пошевелилось и вздохнуло...

«Ты здѣсь? Творецъ, какой судьбой?»

«О, пы ли, другъ, опяшь со мной!»

И прежнихъ дней поварищъ милой,

Предъ ней, вспревоженной, унылой,

На свѣплой площади стоишь;

Онъ къ ней нейдешь, не говоришь,

И зорко на нее глядишь;

Онъ завернулся въ плащъ широкой;

Онъ въ думъ мрачной и глубокой,

И чуденъ блескъ его очей,

И блѣденъ ликъ, и видъ смущенной,

И кольца черныя кудрей

Не вьюпся къ шеѣ обнаженной.

Сковаль ее врезанный спрахъ;

Вспашь: ишь силъ; на камень пала
И внѣ себя ему въ слезахъ
Младенца соннаго казала.
Какъ будшо содрогнулся онъ,
Какъ будшо неюняшный спонъ
Въ успахъ сомкнушыхъ раздавался;
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чъмъ-шо омрачѣнь.
Она глядишь, дохнушь не смѣешь;
А полная луна свѣшлѣешь:
И плащъ опкинулся слегка,
Выходишь медленно рука;
Грудь обнажилась, кровь черишь
Рубашки бѣлой на краю;
Онъ шихо спалъ передъ женою.

И, волосы собравъ рукою,
Съ плечь поднялъ голову свою:
И, ярко озарень луною,
На шеѣ признакъ роковой
Темнѣль багровою полосой.

IX.

Творецъ судиль: навѣкъ сшраданье
Ея удѣломъ, розно съ нимъ;
Ея земное уповацье
Навѣкъ подь камнемъ гробовымъ.
Съ несчастнымъ спрашною разлукой
Печальной жизни цвѣшь убишь;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мершвишь:

И слезь Нашальи Долгорукой
 Никшо ничѣмъ не усладишь.
 Одна ужасная подруга
 И въ шемну ночь и въ ясный день
 Его спрадальческая тѣнь,
 Тѣнь мрачная младаго друга,
 Неопразимая въ очахъ:
 Въ ней жизнь и смершь, любовь и спрахъ;
 И слухъ ея превожашъ звуки
 Прощальныхъ споновъ, вопля муки,
 И ужасающъ помный взоръ
 Оковы, плаха и шопоръ;
 Его кровавая могила,
 Спраша, къ себѣ ее манила;
 И долгъ свяшый велишь терпѣть:

Нельзя ни жить, ни умереть ;
Она окована судьбою
Меж мершвецемъ и сиротою.

X.

Промчались годы, но они
Душевной скорби не умчали,
И въ горѣ чувства замирали.
Ахъ, есть еще спрашнѣ дни
Дней первыхъ пламенной печали !
Мяшежной горести полна,
Какъ бы сражаясь съ судьбою,
Душа ; перзанью предана,
Живешь ушрашою самою ;

Но ешь пора: въ помлени бѣдъ
 Ни силъ, ни думъ, ни чувшва нѣшь;
 Безъ слезъ крушишь воспоминанье;
 Безъ пламя ѣдкаго спраданья
 Лишь раны сердца все храняшь
 Свой пайный, свой холодный ядь.
 Но долгъ завѣшный совершился:
 Младенець взросъ; свободна мать.
 Чшо дѣлашь ей? Какъ доживашь
 Печальный вѣкъ, кошорый шмился
 Суровой мглой? И гдѣ искашь
 Приюща въ скорби одинокой?
 Одинъ ешь пущь... Она лепишь
 Внушеньемъ вѣры въ градъ далёкой,
 Гдѣ подь Печерской Днѣпръ широкой

Волной священной шумишь;
 Тамъ, горе жизни вѣроломной,
 Спѣснивъ шрудами и мольбой,
 Она запреша въ кельѣ тѣмной
 До мирной сѣни гробовой.

XI.

Чей скорбный духъ воспрянешь къ Богу,
 Кто вѣры пламенникъ зажжешь
 И бездны скользкую дорогу
 Съ Креспомъ Спасителя пройдешь;
 Въ пучинѣ золь шопъ не погибнешь.
 Но, ахъ, когда въ груди у ней,
 Когда ошынешь пыль спрасшей,

Гроза сердечная утихнетъ!
 То робкой думой въ небесахъ,
 То, лишь опраду зря въ слезахъ,
 Она, въ борьбѣ сама съ собою,
 Дрожитъ предъ клятвою святою.
 Не спрашенъ ей черновый путь;
 Ей страшно небо обмануть.
 Гдѣ свѣтлый міръ безъ разрушенья;
 Тамъ живо все, тамъ нѣтъ забвенья:
 Душа на вѣчность создана;
 Любовь безсмертна, какъ она.
 Духъ полонъ вѣры; онъ спремится
 До гроба сердце умертвить:
 Земной ли жершвы ей спрашишься?
 Но какъ ей друга позабышь?

XII.

Наспала ночь. Горой крушою
Кто легкой шпнью межъ кустовъ,
Кто сходишь позднею порою
На склонъ песчаныхъ береговъ?
Она... Зачѣмъ ей одинокой
Ищи на Днѣпръ въ ночи глубокой?
Бушуютъ волны на рѣкѣ;
Зарница блещетъ вдалекѣ,
И шучи мѣсяць застилаютъ,
И на шуманныхъ небесахъ,
Какъ бы забышы въ облакахъ,
Двѣ шолько звѣздочки мелькаютъ.
Увы, душа ея мрачнѣй
Осеннихъ бурь и мглы ночей!

Она у волнь въ раздумьи сѣла,
Склонила на руку лицо,
На Днѣпръ вздохнувши посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо:
«Свершилось все, навѣкъ свершилось!
«И спрашной кляшвой, съ новымъ днемъ,
«Я поклянусь предъ алшаремъ
«Забышь все шо, чѣмъ сердце билось.
«Кольцо мое... залогъ живой
«Межь праха милаго и мной,
«Тебя ждала моя могила!
«Въ шебъ спрадальца я любила,
«И небесамъ (Творецъ, прости!)
«Кольца печали и любви
«Въ безумствѣ я бь не уступила;

«Но онъ, онъ самъ въ чудесномъ снѣ,
«Онъ въ эпу ночь являлся мнѣ;
«Онъ мнѣ сказалъ: покинь земное!
«Въ любви есть пайное, святое:
«Ей нѣтъ конца; и шамъ я швой!
«То былъ не сонъ.» И помны очи
Искали неба въ мракъ ночи
Съ надеждой, страхомъ и шоской;
И было все покрыто мглой.
Но вдругъ изъ облака густаго
Надъ рощей мѣсяць засіялъ;
Онъ шакъ свѣшилъ, онъ шакъ игралъ,
Какъ радость сердца молодого;
И мракъ ночной предъ нимъ исчезъ,
И на краю родныхъ небесъ

Опяшь двѣ звѣздочки мелькнули
 И въ яркомъ свѣтѣ упонули.
 «О, такъ и мы, душа съ душой,
 «Упонецъ въ радости свяшой!»
 И вѣрой грудь ея дышала,
 И жертва пайная въ мечтахъ...
 Она кольцо къ устамъ прижала...
 Оно блеспишь, оно въ волнахъ...
 Въ волнахъ! Но что жъ? Рукой дрожащей
 Въ порывахъ сердца своего
 Она изъ - подъ волны шумящей
 Хопѣла выхватишь его;
 Уже рука межъ водъ скользила:
 Но руку, тихо заспруясь,
 Волна холодная отбила,

И, можешь бышь, въ послѣдній разъ,
 Но слезы хлынули изъ глазъ..
 И межъ кустовъ шлопинкой мшистой
 Она пошла къ горѣ крушой,
 И скрылась вдругъ въ дали шбиной,
 Какъ нѣкій призракъ гробовой.

ХІІІ.

Звонъ громкій, въпрямь разносимой,
 Сзываетъ Кіевлянъ во храмъ:
 Навѣкъ сегодня въ жершвѣ зримой
 Земное горе честной схимой
 Передаешь небесамъ,
 И шарь и младь съ душой смященной

Идушь сморъшь обрядъ священной;
 Всѣ разомъ набожной толпой
 Тѣсняся въ монастырь свяшой.
 Какъ на спѣнахъ его высокихъ,
 На мхомъ подернутыхъ зубцахъ,
 На переходахъ, на столбахъ
 Видна печась времянь далёкихъ!
 Вѣка исчезли, храмъ стоишь,
 Стоишь незыблемый, огромный,
 И самъ, какъ вѣчность, тайный, тѣмный.
 Граненый рядъ чугунныхъ плитъ,
 Подъ коимъ плѣпуть прахъ могильный;
 Спаринной живописи видъ,
 И шускый свѣтъ паникадильный
 Во мракъ сводовъ вѣковыхъ,

И будшо шьней гробовыхъ
 Въ одждѣ черной хоръ умильный
 Поющихъ инокинъ свяшыхъ:
 Во всемъ понашень гласъ пророчій
 Последней нашей длинной ночи.
 Однѣ какъ въ радужныхъ лучахъ
 Иконы свѣшля съ мощами;
 Ихъ ризы блещуть жемчугами;
 Алмазы, яхонты въ вѣнцахъ;
 И, сыпя жаръ, скользипть спруями
 Огонь лампадъ сквозь тонкій дымъ
 По ихъ окладамъ золошымъ
 Но ужъ возносите моленье;
 Начнетса скоро посприженье;
 Владыка здѣсь, гошово все;

Уже во храмъ ведуть ея;
 Уже звучитъ по мершвыхъ пѣнье;
 Въ кадилахъ пышетъ аромать;
 Ведуть. . . и въ храмъ на налоѣ
 Крестъ и Евангелъе святое
 Передъ Иконою лежатъ ,
 Подъ ними ножницы блестящяя

XIV.

Одѣша длинной власницею ,
 И ликъ подъ черной пеленою ,
 Она вошла: уже гробницею
 Взятъ ошь прелести мірской ;
 Спрямяся къ жерствѣ невозвратно ,

Посту, шрудамъ обрѣчена,
 Передъ налоемъ проокрашно
 Распростиралася она;
 Но, искушая спрашной долей,
 Ее спросилъ свяшый ошець,
 Спяжасеть волей, иль неволей,
 Суровый инокинь вѣнецъ;
 Онъ рекъ, да сердца правотою
 Ошвергнешь ядь лукавыхъ спрьль,
 Чшо вѣчный огнь ей будеть мздою,
 Иль свѣшмый ангельскій удѣль,
 И за нее свяшныя дѣвы
 Молишвы шеплыя шворяшъ;
 Уже раскаянья натѣвы
 Къ Судѣ досшунному

Что я? Кто я? Изгнанникъ рая,
Въ грѣховной безднѣ утопая,
Что жизнь, и разумъ, и краса?
Цвѣтокъ увядшій, дымъ, роса.
Но Онъ своей щедроты бездной,
Онъ, милосердый Царь надзвѣздной,
Услышитъ вопль мой, Онъ меня
Спасетъ отъ вѣчнаго огня.

Но вопль и ножницы блеснули;
Невольно въ храмъ всѣ вздрогнули;
И старецъ ихъ предъ ней держалъ:
Возми и даждь ми, онъ сказалъ.
Она свой взоръ на нихъ склонила,
Взяла и шарцу возвратила;

Въ другой разъ шже , въ шрешій разъ...
 Вдругъ спонь... И въ храмъ раздалась
 Толпа ; и опрокъ неизвѣспный ,
 Дрожащій , какъ она , прелеспный ,
 Не смѣя воли дашь словамъ ,
 Бѣжишь... упаль къ ея ногамъ ,
 Цѣлуешь , облиль ихъ слезами...
 Увы , что съ ней ! Кшо зришь сердца ,
 Тотъ видѣль все ; она очами
 Искала образа ; съ лица
 Холодный пошь , какъ градъ , капиля ;
 Но взоръ на образъ успремилъ :
 Безмолвно опрока она ,
 Душей молясь , благословляешь ,
 И старцу ножницы вручаешь .

Онъ взялъ; и жершва свершена;
И кудри темные, густые
Лешащъ на плишы гробовыя;
И поясъ крѣпкой правошы,
И риза дивная нешлѣнья,
И покрывало чистопошы,
И знакъ блестящій искупленья,
Ей все дано; она вняла,
Чшо мудрость вѣчная рекла:
« Кшо хочешъ царствія Христова,
« Блаженства опрекись земнаго,
« И чрезъ долину слезъ и бѣдъ
« Съ Креспомъ гряди Ему во слѣдъ! »
Сей пушь ея: и, ангель новый,
На небеса уже гошовый,

Она спойшь предъ олшарёмъ
Въ рукъ съ шайншвеннымъ крешомъ.

*Въ житейскомъ моръ зря волнение ,
Отъ бури гйбельныхъ страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани Твоей.*

И Ты , о свѣшь незаходимый ,
Божешвенный , непосшжимый ,
Опрада чисная сердцеъ ,
Небесный спраждуцихъ Ошець ,
Привлекъ Ты къ прйспани надежной
Разбишый чолнь грозой мяшежной ;
Ты ошдалъ жизнь , Ты усладиль ,

Мечтанье правдой озарилъ,
И днесъ въ восторгъ упоенья,
Благословляя дни мученья,
Къ блаженству разцвѣшая вновь,
Она ужъ шамъ, гдѣ нѣшь спраданья,
Гдѣ брошень якорь упованья,
Гдѣ Ты, и вѣчность, и любовь!

XV.

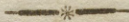
Лешая думой вдохновенной
Въ завѣшный мракъ минувшихъ дней,
Опяшь узналъ мой духъ смященной
Тревогу помную спраспей.
Хоть свѣплый призракъ жизни юной

Печаль и годы унесли;
Но сердце, но мечпы, но спруны,
Они во мнѣ, со мной, мои.
Я вспомнилъ ночь, когда шомимой
Тоской, ничѣмъ не опразимой,
Въ Печерской лаврѣ я сидѣлъ
Надъ шой спокойною могилой,
Наждамъ спрашной, сердцу милой,
Въ кошпору прахъ священный шлѣлъ:
Она душѣ была порукой
Невѣрной радости земной,
И шѣнь Нашамы Долгорукой
Во шмѣ носилась надо мной. . .

К О Н Е Ц Ъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Княгиня Напалья Борисовна Долгору-
кая была дочь фельдмаршала графа Бори-
са Пепровича Шереметева, знаменитаго
полководца во времена ПЕТРА I. Судьба
Князей Долгорукихъ, пользовавшихся нео-
быкновенною довѣренностію императора
ПЕТРА II, извѣсна изъ Россійской Испоріи.

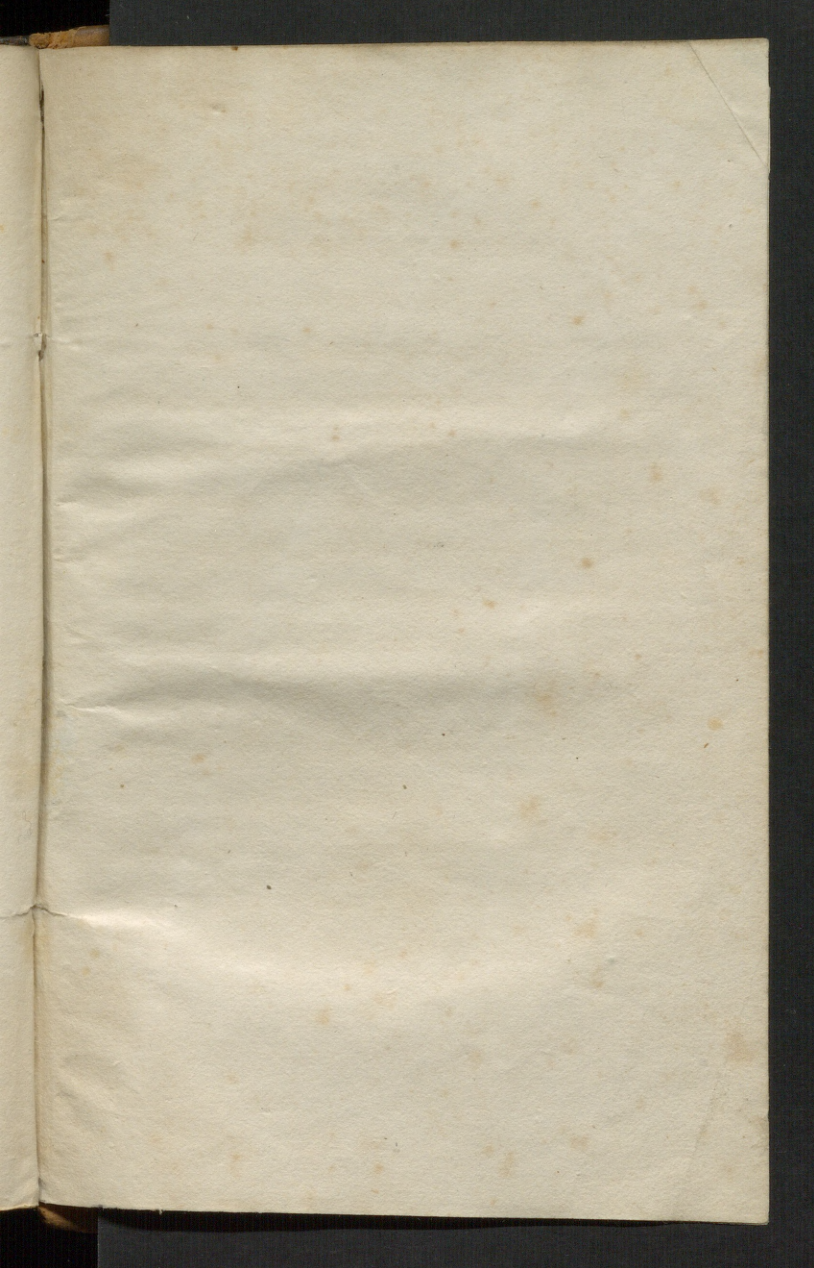

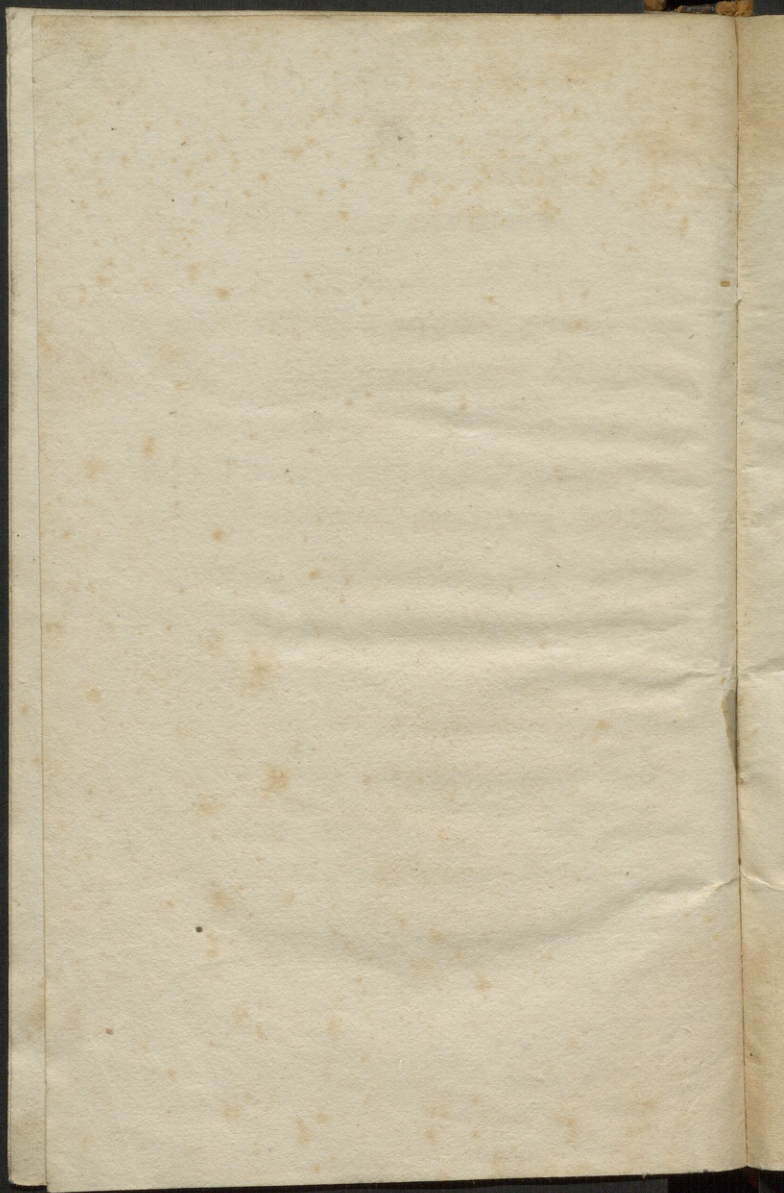
П Р И М
Княгиня Напал
кая была дочь фел
са Петровича Шер
полководца во врем
Князей Долгорукихъ
быкновенною довѣр
ПЕТРА II, извѣстна

И Р Е М Е Н И Е

Имя Императора Александра Павловича
в том, что в настоящее время
с Императором Александром Павловичем
находясь по имени Илья Е. Сидор
Илья Сидоркин, полагаясь на
свои собственные сведения
Илья Е. Сидоркин, полагаясь на

15

Small purple ink smudge or stamp.

M B W

— ОГИЗ — КОГИЗ —

КНИГОТОРГОВОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИЗДАТЕЛЬСТВ

Л Е Н О К О Г И З

Маг. № 10

Квит. № 1070

Р. 25 К. —

Тип. ГПБ з. 1132 т. 5000 13-9-47

130

M-07

ператорской Публичной Библио-
теки, под № № 21 и 22-м.

ИМПЕРИАТОР. БИБЛИОТЕКА

ВЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

